

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Х98

Серия «Легенды хоррора»

William Hjortsberg
FALLING ANGEL
ANGEL'S INFERNO

Перевод с английского: *Ольга Исаева, Сергей Карпов*

В оформлении использована иллюстрация *Сергея Неживясова*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

Copyright © 2017 by William Hjortsberg
Copyright © 2018 by estate of William
Hjortsberg
Edited by Maggie Crawford
© Ольга Исаева, перевод, 2020
© Сергей Карпов, перевод, 2020
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

СЕРДЦЕ АНГЕЛА

*Увы! Как страшно знать, когда от знанья
Один лишь вред!*

*Софокл «Эдип Царь»
(перевод С. Шервинского)*

ГЛАВА I

На дворе у нас пятница, тринадцатое число, а вечера была метель, и на Седьмой авеню теперь что ни шаг — то проклятия и зубовный скрежет. Ноги по щиколотку увязают в слякотной кашнице. По ту сторону Седьмой возвышается терракотовая башня — здание газеты «Таймс», перехваченное светящейся лентой. По кругу бегут электрические буквы, слова складываются в заголовки: «232 голосами против 89 палата представителей окончательно одобрила присвоение Гавайям статуса штата; президент Эйзенхауэр готов подписать законопроект...»

О Гавайи! Благословенная земля сладкоголосой Халелоке¹, где солнце золотит ананас, где под треньканье гитары и бормотание волн тропический бриз играет травяными юбками местных красоток...

Я крутанул кресло, и взору моему предстала Таймсквер. Джентльмен с рекламы сигарет «Кэмел» пускал пухлые колечки настоящего дыма поверх автомобильной пробки. Этот элегантный красавец с губами, застыв-

---

¹ Знаменитая певица родом с Гавайев. (Здесь и далее — прим. перев.)

шими на выдохе в вечно-удивленном «О-о!»), — наш бродвейский посланец весны. Пару дней назад он вдруг оброс лесами, на которых повисли бригады рекламных живописцев. В их руках темная фетровая шляпа с ленточкой преобразилась в канотье из панамской соломки, а зимнее пальто с бархатным воротником — в полосатый льняной костюм. Конечно, у нас здесь все обставлено проще, чем в Капистрано¹, и ласточки с рыжими хвостиками не прилетают к нам после долгой зимы, но, в общем и целом, суть перемены ясна.

Дом, в котором находилась моя контора, был построен еще в прошлом веке — четырехэтажный кирпичный инвалид, кое-как склеенный уличной копотью и голубиным пометом. Сооружение сие венчает что-то вроде короны из разноцветных реклам: туристические фирмы зовут в Майами, нескончаемые пивовары расхваливают свой продукт. На углу поместилась табачная лавка, рядом с ней — заведение, где играют в китайский бильярд, потом две палатки с хот-догами, и по центру — кино-театр «Риальто». Вход зажат в узком простенке между магазином порнолитературы и сувенирной лавкой, выставляющей напоказ целые груды подушек-пукалок и гипсовых собачьих кучек.

Я трудился на втором этаже по соседству с косметическим салоном мадам Ольги («Удаляем ненужные волосы»), аудиторской конторой Айры Кипниса и мелкой импортерской фирмой под названием «Слезинка». Двадцатисантиметровые золотые буквы оттеняли мое превосходство над прочей публикой: «Детективная кон-

---

¹ В американскую деревеньку Сан-Хуан-Капистрано каждый раз в один и тот же день (ранним утром в День святого Иосифа) по весне прилетают ласточки. Их возвращение шумно празднуется.

тора “Перекресток”». Название, как, впрочем, и саму контору, я выкупил у Эрни Кавалеро, моего бывшего шефа. В войну, когда я еще только приехал в Нью-Йорк, Эрни взял меня к себе с тем, чтобы я носился по городу и добывал для него сведения.

Я уже собирался пойти выпить кофе, как вдруг у меня на столе зазвонил телефон. Где-то далеко, на том конце провода, секретарша нежно пропела: «Мистер Гарри Ангел? Вас беспокоят из конторы „Пиппин, Штрейфлинг и Шафран“. Сейчас с вами будет говорить мистер Штрейфлинг».

Выслушав мое учтивое мычание, дамочка нажала кнопку селектора.

Вслед за тем трубку наполнил до сладострастия сдобный голос. Герман Штрейфлинг отрекомендовался поверенным, а это означало, что время его стоит недешево. Служители закона, без затей именующие себя юристами, берут, как правило, на порядок меньше. Зачарованный руладами собеседника, я предоставил ему полную инициативу.

— Я позвонил вам, мистер Ангел, дабы удостовериться в том, что в данный момент мы можем рассчитывать на ваши услуги.

— В смысле — ваша фирма?

— Не совсем. Я говорю от лица одного из наших клиентов. Так вы готовы предоставить ему ваши услуги?

— Смотря в чем там дело. Расскажите поподробнее, тогда я вам отвечу.

— Мой клиент предпочел бы побеседовать с вами лично. Он приглашает вас отобедать с ним сегодня ровно в час дня в ресторане на Пятой авеню. Это «Три шестерки», последний этаж.

— Хорошо, может быть, вы мне тогда хотя бы имя скажете? Или как мне его искать: по цветку в петлице?

— У вас есть, на чем записать? Я вам продиктую по буквам.

Я записал в блокнот. Получился какой-то Луи Цифер.

— Так. А как это произносится?

Мистер Штрейфлинг, с шиком грацируя, изобразил нечто французское.

— Он что, иностранец?

— У господина Цифера французский паспорт, но какой он национальности, право, не знаю. Я думаю, он сам с радостью ответит на все ваши вопросы. Так мне сказать ему, что вы придете?

— Да. «Три шестерки», ровно в час.

Прожурчав пару прощальных реплик, поверенный Герман Штрейфлинг дал отбой.

Я же извлек из коробки сигару «Монтекристо» — одну из тех, что берег с Рождества, — и торжественно закурил. Случай стоил того.

ГЛАВА 2

Дом номер 666 по Пятой авеню вырос на отрезке между Пятьдесят второй и Пятьдесят третьей улицей за два года до описываемых событий. Он являл собою неудачный гибрид международного «функционального» стиля и наших доморожденных полированно-хромовых тенденций. Фасад, отделанный рельефными алюминиевыми панелями, больше всего напоминал гигантскую терку. Внутри же все сорок

этажей и миллион квадратных метров были отданы под всевозможные конторы. Правда, в холле было устроено железное подобие водопада, но и эта деталь не спасала общего впечатления.

Скоростной лифт вознес меня на последний этаж. Получив от гардеробщицы номерок, я некоторое время любовался видом города, откуда метрдотель осматривал меня так, как инспектор саннадзора осматривает сомнительный кусок говядины. Даже то обстоятельство, что Цифер действительно значился в списке посетителей, не смягчило его сердца. Под благопристойный шепоток воротил, обсуждающих за ленчем свои дела, я проследовал за ним к столику у окна.

Цифер уже ждал меня. Он был в синем костюме в тонкую полоску, явно от хорошего портного, и с кроваво-красным бутонем розы в петлице. На вид ему можно было дать и сорок пять, и все шестьдесят. Белоснежные острые усики и квадратная бородка контрастировали с зачесанной назад черной гривой над высоким лбом. Что еще? Солидная осанка, загорелая кожа, глаза — голубой ледок. На бордовом шелке галстука золотом поблескивала булавка — перевернутая пятиконечная звездочка.

Метрдотель выдвинул мне стул.

— Я Гарри Ангел, — сказал я. — Мне звонил Штрейфлинг, адвокат, и сказал, что у вас ко мне разговор.

— Люблю, когда сразу переходят к делу, — заметил Цифер. — Выпьете что-нибудь?

Я, недолго думая, заказал двойной «Манхэттен». Цифер побарабанил отполированным ногтем по своему бокалу и попросил повторить. Ох ты, какие руки! К таким рукам пошел бы хлыст. Должно быть, у Нерона

были такие. И у Джека Потрошителя. Холеные длани императоров и убийц. Хищные пальцы сужены книзу, как злые когти. Безвольный взмах отвердевает в мертвую хватку. Руки для недобрых дел.

Когда официант отошел, Цифер чуть подался вперед и одарил меня заговорщицкой улыбкой:

— Знаете, сам я ненавижу формалистику, но мне все же придется попросить вас показать документы.

Я достал бумажник и показал ему фотокопию удостоверения и значок почетного полицейского:

— Еще есть лицензия на оружие и водительские права.

Изучив содержимое пластикового кляссера, мой собеседник улыбнулся еще лучезарнее и возвратил его мне.

— Я-то привык верить человеку на слово. Это все мои юристы — они настояли.

— Перестраховаться не вредно, — заметил я.

— Надо же. Я думал, вы, что называется, человек рискованный.

— Только в крайних случаях.

Я все прислушивался, пытаюсь уловить хоть малейший намек на акцент, но Цифер говорил безупречно ровно и правильно, его голос был словно отполирован крупными банкнотами, не переводившимися у него с пеленок.

— Может быть, перейдем к делу? — предложил я. — Я не мастер вести светские беседы.

— Весьма похвальное качество.

Цифер достал из нагрудного кармана оправленный в золото кожаный портсигар и выбрал себе тонкую зеленую панателу.

— Не желаете?

— Нет, спасибо.

Цифер обрезал кончик сигары складным серебряным ножиком и погрел ее над огоньком газовой зажигалки.

— Вы часом не помните такого Джонни Фаворита? Я задумался.

— Это тот, что до войны еще пел в каком-то свинговом ансамбле?

— Именно. Это была мгновенная сенсация, как выражаются пресс-агенты наших звезд. В сороковом он выступал с оркестром Симпсона по прозвищу Паук. Названия пластинок я не помню, я этот свинг всегда терпеть не мог, но у него было несколько громких вещей. В театре «Парамаунт» публика с ума сходила — Синатры тогда еще и в помине не было. Да вы, наверное, помните: «Парамаунт» — это же в ваших краях.

— Во времена Фаворита я был еще мальчишкой. Я в сороковом только-только закончил школу в Мэдисоне, пошел работать в полицию. Мэдисон — это в Висконсине.

— Так вы со Среднего Запада? Никогда бы не подумал. Мне казалось, вы местный, коренной нью-йоркец.

— Здесь местных вообще нет. В центре, по крайней мере.

— Тонко подмечено. — Цифер исчез в голубом табачном облачке.

Судя по запаху, сигара была отменная. Я даже пожалел, что отказался.

— Нью-Йорк — город пришлых. Я и сам такой, — добавил он.

— А вы откуда?